

античной и ренессансной культур, в ее связях с новой наукой, научной химией. Прибавлю к этому гностическую увертюру к алхимии, жреческие «предвосхищения» египетской магии, ассиро-вавилонские тембры в алхимической полифонии. Именно алхимия как паракультурное дело в системе средневековой культуры обладает свойством быть в ней и одновременно не быть, являя синхронно-диахронный образ средневековой культуры; помня о прошлом, зовя в будущее, сполна свидетельствуя о настоящем.

«Вненаходимость», двуфокусность, пограничность. Вселюдный перекресток культур. В поликультурном алхимическом многоголосии — обещание выйти за пределы данной культуры в иное культурное пространство, постичь пути коренных исторических преобразований минувших культур. Понять возможность «вненаходимости» культурного феномена в культурной среде его обитания означает понять и этот феномен, и культуру, его породившую. Но элемент культуры, понятый как ее феномен, целостен, как, впрочем, взаимно целостна и сама культура. Тогда феномен культуры есть образ культуры в ее целостном первородстве. Так вышло и с алхимией, ставшей образом в сей средневековой культуры.

Культура существенно жива лишь на границах. Это парадоксально точное замечание М. М. Бахтина, собственно, и ведет нашу мысль. Саморазрушение — самосозидание. *Аттила*, окончивший *Оксфордский университет*. Варварское созидание оборачивается саморазрушением культуры, ее исторически оправданным движением к иному. Варвар-разрушитель — профессиональный строитель культуры. В этой оппозиции, собственно, и жива культура — в своей вечной, неистребимой актуальности. Каждый культурный акт, взятый в становлении, если он хочет слыть таковым, должен быть понят как паракультурный акт. Так, впрочем, и поступил Бахтин с *раблезианским* смехом. Но тогда предшествующие рассуждения о параявлениях как явлениях пограничных совпадут с исходной посылкой Бахтина. Между тем парафеномены в культуре откровенно пограничны. В этой ситуации не культуру должно понять как паракультуру. Наоборот, паракультура — существование по преимуществу свидетельство о культуре.

Два движения мысли сошлись на границе, открытой всем сторонам света: культура как варварский акт; творческое варварство как культурно упорядоченное дело. Окно в новые исторически предопределенные культурные пространства и времена; а значит, в культурные просторы и современного сознания.

Эвристические культурологические возможности, выявленные в результате анализа «темных речей» алхимического средневековья, могли бы, пожалуй, сослужить славную службу и при изучении иных культурно-исторических сообществ, представленных в собственных парафеноменах.

Замечу: дело реконструктора минувших культур — в некотором роде паракультурное дело, конгениальное своему предмету и потому тоже живущее на границе. В итоге такой работы — не образец, а синтетиче-